© 2026 International Conference on Multidisciplinary Sciences and Innovations . All Rights Reserved.

ОБРАЗ РОДНОГО ДОМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ: ПАМЯТЬ, ТРАВМА И ПОСТПАМЯТЬ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ЯХИНОЙ И Л. УЛИЦКОЙ)

Джакбарова Гульзода Гайратжон кизи
учитель русского языка и литературы частной школы «IFTIXOR»
+998974166106
gulzodayuldasheva0@gmail.com

Аннотация. В тезисах рассматривается образ родного дома в современной русской прозе на материале романов Г. Яхиной («Зулейха открывает глаза», «Дети мои», «Эшелон на Самарканд») и Л. Улицкой («Медея и её дети», «Лестница Якова»). Показано, что дом выступает пространством памяти, травмы и постпамяти. У Яхиной он изображён как утраченный и строящийся заново, у Улицкой – как хранилище родовой памяти и семейный архив. Методологическая основа – поэтика пространства (Г. Башляр, М. Бахтин) и исследования памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, А. Ассман, М. Хирш).

Ключевые слова: образ дома; память; травма; постпамять; современная русская проза; Г. Яхина; Л. Улицкая; хронотоп.

Abstract. The paper examines the image of the native home in contemporary Russian prose, drawing on the novels of Guzel Yakhina (Zuleikha Opens Her Eyes, My Children, A Train to Samarkand) and Lyudmila Ulitskaya (Medea and Her Children, Jacob's Ladder). The home is shown to function as a space of memory, trauma and postmemory. In Yakhina's prose it appears as a home that is lost and built anew; in Ulitskaya's, as a repository of familial memory and a family archive. The study combines the poetics of space (G. Bachelard, M. Bakhtin) with memory studies (M. Halbwachs, P. Nora, A. Assmann, M. Hirsch).

Keywords: image of home; memory; trauma; postmemory; contemporary Russian prose; Guzel Yakhina; Lyudmila Ulitskaya; chronotope.

Образ родного дома стал в современной русской прозе одним из главных способов говорить о травме XX века: через него писатели возвращают в культуру опыт, который не был проговорён ни в семье, ни в официальной истории. Тема актуальна потому, что уходит поколение непосредственных свидетелей репрессий, войны и депортаций, и литература всё чаще выполняет функцию передачи этого опыта потомкам.

Цель тезисов – показать, как в романах Г. Яхиной («Зулейха открывает глаза», «Дети мои», «Эшелон на Самарканд») и Л. Улицкой («Медея и её дети», «Лестница Якова») дом становится пространством памяти, травмы и постпамяти. Методологическая основа – сочетание поэтики пространства (Г. Башляр, М. Бахтин) [2; 3] и исследований памяти (М. Хальбвакс, П. Нора, А. Ассман, М. Хирш) [1; 5; 8; 13].

Исходное положение работы: дом в художественном тексте – не только бытовое пространство, но и материальный носитель коллективной памяти. Г. Башляр описывает жилище как «первую вселенную» человека, в которой хранятся воспоминания и мечтания [3]. М. Хальбвакс показывает, что память опирается на пространственные и социальные рамки, а семья остаётся первой из них [8]. П. Нора связывает «места памяти» с исчезновением живой, бытовой передачи прошлого [5].

© 2026 International Conference on Multidisciplinary Sciences and Innovations . All Rights Reserved.

К. Кэрут понимает травму как опыт, не усвоенный в момент события и потому возвращающийся в навязчивых образах и умолчаниях [12]. М. Хирш вводит понятие постпамяти: это связь второго и третьего поколений с травмой предков, которая строится не на личном воспоминании, а на рассказах, образах и вещах [13]. Для анализа важно, что носители постпамяти материальны, а дом с его предметами – главный из них. С. Бойм различает «реставрирующую» ностальгию, стремящуюся восстановить утраченный дом, и «рефлексирующую», которая осознаёт невозможность возврата [4].

Г. Яхина: дом утраченный и строящийся заново. У Яхиной родной дом показан в момент утраты и воссоздаётся на чужой земле, поэтому его образ строится на двойном движении: разрушение и обживание. В романе «Зулейха открывает глаза» дом Муртазы в татарской деревне – пространство патриархального насилия и вместе с тем единственный привычный героине мир [9]. Раскулачивание лишает её этого дома, и жильё в ссылке начинается с барака и землянки на Ангаре. Постепенно ссыльные строят посёлок, и дом перестаёт быть наследством, превращаясь в результат труда: «своим» становится то, что создано в травматических условиях. Герои Яхиной не возвращаются, а строят, и это отличает её прозу от ностальгической традиции.

В романе «Дети мои» дом – это немецкая колония Гнаденталь на Волге, замкнутый мир с собственным языком, укладом и сказками, который к концу романа разрушается под давлением советской истории [10]. Уединённое жильё учителя Баха выполняет функцию укрытия, но не защищает от вторжения внешнего мира. В «Эшелоне на Самарканд» дом становится подвижным: товарный вагон с беспризорными детьми – единственная семья и единственный кров для тех, у кого родной дом утрачен [11].

Постпамять в этих текстах работает как реконструкция: по признанию писательницы, замысел первого романа восходит к семейной истории её бабушки, пережившей депортацию. Литературный текст возвращает дому то, что не было сказано в семье, и строит его заново по свидетельствам и воображению.

Л. Улицкая: дом как хранилище родовой памяти. У Улицкой дом – не столько место потери, сколько хранилище родовой памяти, а травма присутствует как фон и проступает через вещи, письма и семейные ритуалы. В романе «Медея и её дети» крымский дом Медеи – центр рода, куда каждое лето съезжается родня и приёмная родня [6]. Медея выступает хранительницей традиций: вокруг дома организованы обычаи гостеприимства, общий стол, ежегодный круг встреч. Пережитое семьёй в проговаривании не нуждается, оно присутствует в быту, в предметах и привычках. Дом объединяет людей разного происхождения и тем самым противостоит дроблению общества.

В «Лестнице Якова», написанной на основе семейной переписки деда писательницы, дом превращается в архив [7]. Героиня-внучка Нора разбирает письма, фотографии и вещи, и постпамять становится прямой темой повествования: она не помнит, а восстанавливает прошлое по документам. Травма репрессий и войны проявляется в пробелах переписки и умолчаниях, а не в прямом изображении события. Дом здесь – то, что удерживает связь поколений, пока она ещё возможна.

Сопоставительный анализ

Авторов различает способ удержать дом, а объединяет то, что у обоих он держится не стенами, а людьми, вещами и рассказом.

Параметр	Г. Яхина	Л. Улицкая
Образ дома	утраченный, строящийся заново, подвижный	сохранённый, родовой, дом-архив
Отношение к травме	прямое изображение	травма в фоне, в

© 2026 International Conference on Multidisciplinary Sciences and Innovations . All Rights Reserved.

Параметр	Г. Яхина	Л. Улицкая
	события (раскулачивание, ссылка, депортация)	умолчаниях и пробелах
Форма постпамяти	реконструкция по семейным свидетельствам и воображению	работа с документом и семейным архивом
Тип ностальгии (по С. Бойм)	рефлексирующая: возврат невозможен	ближе к реставрирующей, но без иллюзии возврата

Таким образом, образ родного дома у Яхиной и Улицкой – ключевой хронотоп постпамяти, потому что именно дом связывает личную судьбу с историей.

1. У Яхиной травма изображается прямо, а дом строится заново; у Улицкой дом сохраняется, а травма остаётся в умолчании.
2. Постпамять в обоих случаях опирается на материальные носители: вещи, письма, предметы быта.
3. Родной дом в этой прозе – не здание, а практика передачи памяти; литература становится «домом» для опыта, не нашедшего места в официальной истории.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: НЛО, 2014.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
3. Башляр Г. Поэтика пространства. – М.: РОССПЭН, 2014.
4. Бойм С. Будущее ностальгии. – СПб.: Алетейя, 2019.
5. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
6. Улицкая Л. Медея и её дети. – [издательство, год – уточнить по используемому изданию].
7. Улицкая Л. Лестница Якова. – М.: АСТ, 2015.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. – М.: Новое издательство, 2007.
9. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. – М.: АСТ, 2015.
10. Яхина Г. Дети мои. – М.: АСТ, 2018.
11. Яхина Г. Эшелон на Самарканд. – М.: АСТ, 2021.
12. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996.
13. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. – New York: Columbia University Press, 2012.